

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Psychological Studies
Has been issued since 2014.

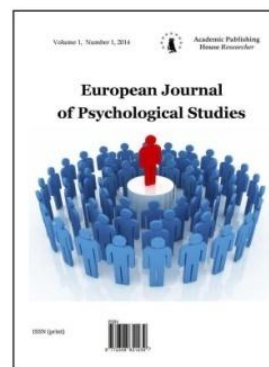
ISSN: 2312-0363

E-ISSN: 2409-3297

Vol. 4, No. 4, pp. 142-155, 2014

DOI: 10.13187/ejps.2014.4.142

www.ejournal12.com

UDC 159.9

Modern Psychology: System Anthropological Approach

¹ Vitaly E. Klochko

² Eduard V. Galajinsy

³ Olga M. Krasnoryadtseva

⁴ Oleg V. Lukyanov

¹ Tomsk State University, Russian Federation
Doctor of Psychology, Professor

² Tomsk State University, Russian Federation
Doctor of Psychology, Professor

³ Tomsk State University, Russian Federation
Doctor of Psychology, Professor

⁴ Tomsk State University, Russian Federation
Doctor of Psychology

Abstract

The article considers theoretical and methodological foundations as well as the analysis of the experience of implementation and prospects for further research on the basis of system anthropological approach. The article presents the main statements about transspektive analysis in psychology which represents a universal means of sufficient cognition of the tendencies and regularities of any open systems (self)development, which allows to connect a retrospective view at the process of the psychological science development with a prospective analysis of its dynamics. Transspektive approach contains a cognitive scheme that has a certain transdisciplinary potential. It can be transferred within the same science when the systems which are the subject of study in various branches of the same science, for example, in history of psychology and developmental psychology, but it can become methodological foundation for transdisciplinary approach which is replacing the common "interdisciplinary approach". It has been proven that modern epistemology was able to identify regularities of scientific knowledge dynamics, which are manifested in the form of consistent complication of the level of scientific system thinking. The article also covers the nearest perspectives for the development of the system anthropological psychology associated primarily with the opportunities that are open in the sphere of high humanitarian technologies, development of leveled theory of consciousness and development of transdisciplinary paradigm in psychology.

Keywords: system anthropological psychology; transspektive analysis; evolution of psychological thinking; transdisciplinary paradigm.

Введение

Данная работа имеет своей целью осмысление теоретико-методологических оснований, а также анализ опыта реализации и перспектив дальнейших исследований на

базе системно-антропологического подхода, разработкой которого уже сравнительно давно занимаются сибирские психологи. Развиваемое нами научное направление уже достаточно известно по аббревиатуре САП (системная антропологическая психология) и представляет собой один из возможных вариантов дальнейшего развития культурно-деятельностного подхода, основания которого были заложены Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и многими другими представителями культурно-исторической психологии (КИП). Некоторая сложность восприятия исходных идей САП обуславливается тем, что мы изначально пытались не просто приспособить исходный методологический базис культурно-исторической психологии к современным реалиям развивающейся науки, но путем специально разработанных средств историко-психологического анализа выявить опережающий потенциал КИП, ощущение которого позволило М. Коулу прийти к заключению: «Культурно-историческая психология: наука будущего» [1].

Для того чтобы оценить современное состояние нашей науки необходим особый взгляд на весь исторический процесс ее становления. Безусловно, точки зрения, с которых рассматривается этот процесс, могут быть самыми разными, что и порождает разнообразие подходов и принципов историко-психологического исследования, каждый из которых имеет право на существование и заслуживает внимания. В тоже время, каждый из них обладает своими объяснительными возможностями, пределы которых устанавливает аксиоматический базис, на котором строится подход. Поэтому разные подходы (историко-категориальный, парадигмальный, хронологический, контекстный и др.) раскрывают разные грани исторического процесса становления психологического познания, но ни один из подходов (впрочем, как и их совокупность), не могут объяснить, почему именно так, а не иначе, складывается траектория движения научной мысли.

А.В. Юревич по этому поводу пишет, что «хотя отдельные направления научной мысли могут заходить в тупик и порождать пустоцветы, не бывает так, чтобы целая наука полтора столетия двигалась по ложному пути. Путь, пройденный психологией, – это не движение по тупикам, а, по-видимому, единственно возможная, хотя и нелинейная (таковых в науке вообще не бывает), но правильная траектория ее развития» [2. С.13]. Поэтому, с нашей точки зрения, и необходим метод, который позволил бы понять механизмы движения науки, возникновение тенденций ее развития, без объективации которых невозможно оценить ее актуальное состояние. Более того, ретроспективный взгляд на науку должен быть дополнен перспективным анализом, иначе прогностический потенциал самого историко-психологического исследования будет минимальным: известно, что наука должна не только фиксировать, описывать и объяснять ставшее, но и прогнозировать будущее, даже если речь идет о становлении ее самой.

В свое время была поставлена задача разработать такой подход, который позволил бы соединить ретроспективный взгляд на процесс становления научной психологии с перспективным анализом ее движения. Первоначально мы называли его историко-системным подходом, а позднее более предпочтительным для нас стали понятия «транссективный подход», «транссективный анализ».

Транссективный анализ в психологии

Переход от историко-системного подхода к транссективному анализу был вынужденным, поскольку постепенно выяснилось, что последний представляет собой достаточно универсальное средство познания тенденций и закономерностей (само)развития любых открытых систем. Иными словами, предметом транссективного анализа может быть наука, если ее понимать как открытую саморазвивающуюся систему особой сложности (что и схватывал историко-системный подход), но может быть и человек, представленный в качестве открытой саморазвивающейся психологической системы. В последнем случае понятие «историко-системный подход» выглядит не очень убедительным, хотя с некоторой натяжкой можно представить, что речь идет об онтогенезе человека, который рассматривается с определенных позиций, а именно с позиций представления о человеке как саморазвивающейся открытой системе, и при этом целью такого изучения является раскрытие механизмов становления человеческого в человеке в процессе онтогенетического развития.

Итак, обе эти системы (наука, как развивающаяся система, и человек, как развивающееся целое) могут быть отнесены к разряду так называемых «человекообразных» систем [3], и этот факт только подтверждает возможность использовать для их изучения некоего общего для них методологического аппарата, каковым в данном случае и выступил транспективный подход. Естественно, мы не могли апробировать этот подход применительно к выявлению тенденций и закономерностей развития других наук, хотя полагаем, что это вполне возможно. Транспективный подход скрывает в себе когнитивную схему, которая обладает определенным трансдисциплинарным потенциалом. Ее можно переносить внутри одной науки, когда выделяются системы, являющиеся предметом изучения в разных отраслях одной науки, например, в истории психологии и психологии развития, но можно сделать ее методологическим основанием для собственно трансдисциплинарного подхода, идущего на смену привычному «междисциплинарному подходу».

Этот переход выступает сегодня в качестве одной из современных тенденций развития научного познания. Заметим, что Жан Пиаже еще в 1970 году предчувствовал, что после этапа междисциплинарных исследований «следует ожидать более высокого этапа – трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами» [4]. Все больше ощущается, что сегодня научные проблемы обретают такой уровень сложности, который апеллируют к междисциплинарной кооперации особого рода, позволяющей перенос когнитивных схем из одной науки в другую, обеспечивая тем самым «созидательный полилог» монодисциплин, способный породить такое знание, которым не владеет ни одна из наук и получение которого превышает возможности любой из них [5, 6].

Выделяя концептуальные основания, на которых строится транспективный подход, необходимо, прежде всего, отметить, что современная эпистемология смогла выявить закономерности движения научного познания, проявляющие в виде последовательного усложнения уровня системности мышления ученых. Это усложнение проявляется в том, что сначала они научились выделять и делать предметом исследования простые системы (классическая наука), затем сложные саморегулирующиеся системы (неклассическая наука). Постнеклассическая наука делает своим предметом сложные саморазвивающиеся системы. Указывается, что «сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития» [3]. Таким образом, транспективный анализ является одним из инструментов познания *постнеклассического уровня*. Он применяется в тех случаях, когда необходимо вскрыть закономерности самодвижения сложно организованных целостностей, устойчивое существование которых во времени и пространстве обеспечивается динамикой их саморазвития, каковая и выступает в качестве способа их существования. Этим условиям отвечают, прежде всего, живые системы открытого типа, т.е. системы, которые удерживают свою целостность за счет непрерывного обмена со средой веществом, энергией, информацией.

Характерным признаком таких систем является *усложнение* их системной организации в процессе саморазвития. Усложнение системной организации является основанием устойчивости системы, одновременно заявляя о себе как основной тенденции развития. Поэтому транспективный анализ применим только там, где удастся выделить саморазвивающуюся систему, ее вещные, энергетические, информационные дефициты, детерминирующие направленное и избирательное взаимодействие системы с окружающей средой, а также те системные новообразования, которые порождаются в акте взаимодействия, обеспечивая усложнение системной организации искомой целостности. Последовательное усложнение системной организации в ходе саморазвития задает *основную тенденцию* развития открытых систем, что и позволяет ставить вопрос о механизмах и закономерностях этого движения и, следовательно, о методах, которые эти механизмы и закономерности способны уловить.

Это существенно меняет неклассические представления о механизмах развития науки. В основе их лежало представление о парадигмах как «общепринятых образцах научной практики» [7] (Т. Кун), в прогрессивном изменении которых проявляет себя «саморегулирующийся механизм» науки. Конечно, представление о развитии науки с

позиции саморегуляции воспринималось довольно сложно на фоне классических представлений, выделивших достаточно простой механизм ее развития в виде линейного (кумулятивного) прироста знаний. Однако на фоне постнеклассических построений в эпистемологии теперь уже сам механизм парадигмальной динамики воспринимается как слишком простой: он не схватывает механизм усложнения системной организации науки, в результате которого она может рассматриваться как «постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем» [8. С.125]. Не случайно и сам Т.Кун заметил, что «мы все еще стоим перед задачей объяснения того, почему наука – наш самый бесспорный пример полноценного познания – развивается так, а не иначе, и, прежде всего, мы должны выяснить, как это фактически происходит. На удивление мало мы еще знаем о том, как отвечать на этот вопрос» [7. С.39].

Интересно, что и в психологии возникали предположения о необходимости реконструировать процесс исторического анализа таким образом, чтобы в череде меняющихся форм, разглядеть процесс *становления*. «Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» [9. С.62] Фактически, это утверждение может рассматриваться в качестве одного из положений транспективного анализа. Если наука сможет отрефлексировать свою историю как процесс саморазвития, т.е. уйти от логики саморегуляции (гомеостаза) и объективировать логику собственного становления в качестве саморазвивающейся системы, то это неизбежно приведет к перестройке сложившихся представлений, как о парадигмах, так и самом механизме развития науки. В этом случае появляется возможность перевести исторический анализ из плоскости констатации в плоскость прогноза [6]. Представляя науку как саморазвивающуюся систему, мы, чтобы оставаться последовательными, должны и теории, составляющие науку, рассматривать как элементы этого саморазвивающегося целого. Тогда и образ науки, «растущей изнутри» в процессе постановки и разрешения познавательных головоломок (Т. Кун), меняется на образ науки, находящейся в постоянном обмене информацией с ее средой, каковую и составляют культура в широком смысле слова, включая сюда другие науки, философию, религиозные учения и т.д. Источник (само)развития науки связывается теперь с процессом кросс-фертилизации – «взаимного оплодотворения» (Л. Берталанфи) различных научных дисциплин в процессах внутрисистемных и межсистемных взаимодействий. Ярким примером ученого, реализовавшим в своем творчестве этот процесс, является Л.С. Выготский. По мнению В.П. Зинченко, «с точки зрения бытующих ныне характеристик постнеклассической науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, Л.С. Выготский был классиком постнеклассической науки» [10. С.103, 11].

Транспективный анализ закономерностей эволюции психологического мышления

Итак, просчет объективных тенденций развития науки в рамках транспективного анализа позволил увидеть процесс движения психологического познания в новом ракурсе (как процесс саморазвития науки), но одновременно с этим он вывел исследование к разработке идеи закономерного усложнения профессионально-психологического мышления в ходе становления научного познания. Косвенно это означает, что пространство современной психологии представлено теориями, построенными с помощью мышления разного уровня сложности и, следовательно, *прямая интеграция* теорий путем их проекций на плоскость актуального бытия науки невозможна, поскольку сами теории отличаются по уровню сложности мышления, которое использовали создатели этих теорий. Тем не менее, при всем своем разнообразии, теории оказываются способными на совместное бытие внутри научной психологии как саморазвивающейся системы. Они демонстрируют способность поддерживать единство через разнообразие, то есть, удерживая свою самость, обособливаясь от других теорий – для удержания единства с ними. Потому что каждая теория выросла в лоне целого и, даже будучи относительно замкнутой в операциональном плане, продолжает работать на целое. Впрочем, это процесс взаимный: преобразуемое с помощью конкретной теории целое оказывается созидательным началом по отношению к ней. В любом случае, *многообразие выступает как условие, обеспечивающее единство системы, ее устойчивость в пространстве и времени, обеспечивая тем самым «единство процессов «перерождения научной ткани в психологии»* [12, С.325].

Наши исследования показывают, что процесс становления профессионального мышления в психологии можно представить как *эскалатор закономерно усложняющихся форм, уровней и стилей научного мышления*, но таковым он открывается только в свете магистральных тенденций развития науки. В конкретике же своего реального движения процесс становления профессионально-психологического мышления предстает как самоинтегрирующий поток разномасштабных методологических инноваций [13, 14].

Это означает, что теории можно выстроить в некий прогрессирующий ряд, который вряд ли однозначно уляжется в хронологическое ложе, отражающее зафиксированную во времени последовательность возникновения, расцвета и заката психологических теорий, школ и направлений. Сами теории, школы и направления возникают внешне спонтанно, но самое интересное связано с закономерностями и тенденциями, которые стоят за этой кажущейся спонтанностью. Оценивая день сегодняшней нашей науки, можно полагать, что психология уже приступила к рефлексии по поводу самой себя, своего исторического пути и тех тенденций, векторов и потенциалов движения, которые отражают направленную динамику ее становления. Иными словами, уже наступило время, о котором писал Л.С. Выготский: «Для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется» [12. С.310].

Мы понимаем тенденции развития науки как проявление закономерностей и сил, которые они (тенденции) и проявляют самим фактом своего возникновения. Например, уже сам факт выделения фаз или этапов развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика), предполагает закономерность, определяющую возникновение именно данной последовательности. Если за сменой форм и уровней мышления, отраженного этой триадой, открывается объективная тенденция развития, характерная для всех наук, то мы сталкиваемся здесь с наиболее общими закономерностями познания, которые предопределяют появление в поле зрения науки новых объектов и новых предметов научного познания.

Получается, что предмет науки перестраивается в ходе становления научного познания, отражая тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкты, конституирующие витальную онтологию человека: транссубъективное пространство (Д.Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л.С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер, Ф.Е. Василюк), многомерный мир (А.Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В.Е. Ключко). Можно выявить и другие тенденции, которые проявляются в: 1) в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный – метасистемный); 2) в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминации – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация); 3) в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление).

Простое психологическое мышление: одномерно-бинарная логика классицизма. Для «одномерной классики» изучение сознания означало исследование его доступного интроспекции содержания. Между тем переход от одномерной к бинарной логике был предопределен. Этому способствовали:

– самоочевидность дуального устройства мира, явственно выступающая в виде «противоположностей» (Я и не-Я, материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д.) и закрепленная картезианской композицией и гносеологической метафорой, с которой психология была исходно связана еще в период пребывания ее в лоне философии;

– обсервационизм («бадейна теория сознания» – К. Поппер), в рамках которого граница человека с объективной реальностью устанавливается по плоскости рецепторов; в центре «бадья» в зависимости от вкуса и предпочтений располагаются мозг, психика или сознание, которые и перерабатывают то, что поставляют рецепторы. «Психическая

деятельность», «деятельность сознания», «деятельность мозга» – это не метафоры, а базальная догма бинарного мышления;

– антропоморфизм в форме приписывания субъектных свойств тому, что этими свойствами обладать не может. Можно выделить две формы антропоморфизма, первая из которых исходит из положения о том, что предметы и явления внешнего мира сами «навязываются нашему уму», действуют избирательно на каждого из нас, выступая в качестве субъектов умыслов, к нам обращенным, а вторая приписывает субъектные свойства различным «органам» человека (мозг, психика, сознание и т.д.), которые «действуют» подчиняясь логике собственной деятельности, перерабатывает поток индифферентной информации, выискивая в ней то, что этой логике соответствует.

Основной порок бинарной логики заключается в том, что в качестве аксиоматической базы любой теории, построенной на ней, берутся дуальные оппозиции. Но эти оппозиции возникли благодаря сознанию (например, способность различать, где Я, а где не-Я, вовсе не является прирожденной), а потому «изучение сознания» с помощью бинарного мышления противоречит самой логике. Невозможно изучать то, что вошло в аксиоматику, в рамках теории, использующей эту аксиоматику.

Сложное психологическое мышление: бинарно-тернарная логика неклассицизма. Для зарождения тернарного мышления внутри бинарной логики были как внутренние, так и внешние основания. К первым можно отнести противоречия, которые обнажались при попытках поставить и решить проблему более сложную, нежели позволяет исходный познавательный ресурс бинаризма. Внешние основания представлены мощнейшим сдвигом культуры научного мышления, произошедшим в научной среде, в которую погружена психология, благодаря развитию общей теории систем, синергетики, антропного принципа в философии, космогонии и т.д. Опознавательный признак тернарного мышления – сближение противоположностей до уровня «и то, и другое», предполагающее нечто третье, фиксируемое понятиями «единство», «со-бытие», «соприсутствие». Главный положительный итог применения тернарной логики заключается в том, что она вывела к идее о том, что сознание определяется организацией жизненного пространства, где «соприсутствуют» (В. Франкл) материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д. Постепенно укреплялась мысль о том, что предметы и явления внешнего мира начинают свое вхождение в «сферу сознания» не из мира «чистой объективности», а из другой, гораздо более сложной реальности, которая только кажется внешней. В связи с этим отпала необходимость приписывать осмысленность и категориальность восприятию, органам чувств, или апеллировать к ним как врожденным категориям. Наука прорывалась к этому пространству «соприсутствия» противоположностей, мучительно ломая устоявшиеся стереотипы бинарного мышления, а его рецидивы продолжают преследовать психологов и сегодня («свобода или детерминизм», «гомеостаз или гетеростаз» и т.д.). За теориями «жизненных миров», «жизненных пространств», «трансубъективных пространств», «смысловых полей» скрывается напряжение усложняющейся психологической мысли.

Сверхсложное психологическое мышление: постнеклассические перспективы. Там, где тернарное мышление находило единство и со-бытие противоположностей, не вникая в вопрос, как же устроено это единство, более сложное мышление усматривает *упорядоченное и многомерное пространство жизни*. Наступает период, когда психологам придется отдать себе отчет в том, что сознание как таковое и сознание в структуре целостно понятого человека – это два разных феномена. Психология начала свой путь с определения эмпирической области явлений, полученных с помощью самонаблюдения и отнесенных к сфере психических явлений. Она продолжает этот путь, все более расширяя и углубляя знание об этих явлениях, справедливо полагая, что они принадлежат человеку и значит, исследуя их, она изучает человека. Однако только сегодня к психологам по настоящему приходит осознание того, что предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая практически еще не изучена в ее взаимоотношениях со своим целым. Иными словами, только сегодня в полной мере наступает осознание того, что мы пытаемся угадать, пользуясь образами Л.С. Выготского, миссию «телефонного аппарата», изучая сам аппарат, т.е. вовсе не имея в виду миссию «телефонистки» (человека). «Нельзя аналогизировать все поведение с деятельностью аппарата. Но аппарат + человек...» [15. С.63].

В контексте целостного человека, которого мы понимаем как сложнейшую пространственно-временную организацию, открытую в мир и к самому себе саморазвивающуюся систему с присущими ей темпоральными проявлениями, сознание предстает не в дискретном составе (в качестве функционирующего органа), а в его континуальности, «неподкожности», непрерывности и дальности. Темпоральность (временная сущность явлений, порожденная динамикой их самодвижения) вводит существенно другое представление о последовательности времен в саморазвивающихся «человекообразных» системах: будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему. Масштаб видения человека как предмета психологического осмысления трансформируется: привычные триады «субъект–бытие–жизнедеятельность» или «личность–личностный рост–самореализация» сменяет постнеклассическая по сути, задающая более высокий и широкий план видения проблемы триада «человек–жизнь–жизнеосуществление». В многомерной логике психики (сознание) открывается как общесистемное, интегративное качество человека, качество эмерджентное, т.е. исчезающее сразу и целиком при любом «рассечении» системы на исходные элементы, на какие бы правила полноты исследования ни ссылались при этом аналитики, полагающие операционализм исходным основанием научного познания.

Другими словами, эмерджентное свойство релевантно целостной системе, а не ее элементам. Как утверждает теоретик сложности Эдгар Морен: «От атома до звезды, от бактерии до человека и общества, организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности. Новые качества – это эмерджентности» [16. С.17]. Можно сказать, что психика и сознание человека в постнеклассической науке начинают высвечиваться в несколько ином свете – как общесистемное свойство, релевантное целостному человеку, а не как парциальное свойство мозга, личности, субъекта или индивида. Впервые открывается подход к психике как эмерджентному явлению, причем такому, которое охватывает оба контекста понятия «эмерджентное свойство», обозначенных в современной науке. Первый контекст мы уже указали: сегодня приходится воссоздавать целое, чтобы понять части, не забывая о том, что целое не сводится к сумме частей, но понимая при этом, что ни отдельная часть, ни простая их совокупность не обладают тем качеством, которое есть у целого. Второй контекст понятия «эмерджентное свойство» используется применительно к «уровню масштаба», в котором рассматривается некий феномен. Например, при переходе от одного уровня масштабности к другому (-микро, -макро, -мегамир) физическая наука открывает такие свойства материи, которые фиксируются на более высоких уровнях, но о существовании которых ничего нельзя сказать при наложении призмы меньшего масштаба. Л.С. Выготский, анализируя природу кризиса психологии, обобщил: «частные науки имеют тенденцию к выходу за свои пределы, к борьбе за общую меру, за более крупный масштаб» [12. С. 418]. Постнеклассическая наука формирует свой масштаб, в котором следует изучать психические явления, поэтому проблема прогнозирования тенденций развития психологии на самом деле является проблемой выявления динамики изменения масштаба в сторону его укрупнения.

Системная антропологическая психология: методологические основания и этапы развития

Наблюдая за тем, каким образом возникают различные попытки реализации трансперспективного подхода в психологии, многие из которых порождают различного рода недоразумения, можно заметить, что природа этих коллизий заключается в игнорировании главного условия, которое необходимо для адекватного применения подхода. Трансперспективный анализ – как средство историко-психологического исследования – применим только в том случае, когда наука рассматривается в качестве открытой саморазвивающейся «человекообразной» системы. Точно так же, для его использования в качестве средства общепсихологического анализа необходимо научиться смотреть на человека как сложнейшую пространственно-временную организацию, основанием устойчивости которой является ее самодвижение (становление), проявляющееся в виде закономерного усложнения человека, его системной организации. Заметим, что в самой психологии уже сравнительно давно стал намечаться переход от гомеостатических моделей

в понимании человека к изучению его на базе различных моделей психологического гетеростаза. Например, Г. Олпорт, который одним из первых вышел к пониманию человека как открытой системы, пишет: «В нынешние времена экзистенциализма я ощущаю, что психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации, и, соответственно, понятия «редукции напряжения», «восстановления равновесия» и «гомеостаза». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансистаза»; сплоченность – это вопрос сохранения человеческих отношений в движении, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность [17. С.39].

Под системно-антропологическим подходом понимается совокупность идей, возникающих при последовательном развитии принципов культурно-исторической теории Л.С. Выготского, интегрируемых в целостную систему на основе понимания человека как открытой саморазвивающейся системы, по отношению к которой психика выступает в качестве специфического «органа отбора» (Л.С. Выготский), обеспечивающего устойчивость человека в меняющемся мире.

В соответствии с этим, методологической базой САП является представление о человеке как открытой саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системе, которое выступает в роли своеобразной модели, задающей некий образ, стиль многомерного мышления, в определенном смысле «гештальт», сквозь призму которого рассматриваются новые познавательные ситуации [18]. Заметим, что такой подход преодолевает давно уже закрепившуюся в психологии традицию, в соответствии с которой принято считать, что принцип системности не несет в себе параметров развития, а потому его всегда необходимо дополнять принципом развития. Кроме того, он направлен на преодоление представлений о том, что духовные процессы и состояния не имеют таких выделенных и относительно автономных частей (подсистем и элементов), какие есть у материальных объектов. «Духовный субстрат» не так уж однороден, и чем дальше двигается психологическое познание, тем более отчетливо дифференцируется круг таких понятий, смысл и ценность, психологическое поле, смысловое поле, жизненное пространство, транссубъективное пространство, пространство жизни и т.д.

Если касаться истории возникновения САП, то первым толчком для ее создания стали исследования, проеденные в середине 70-х прошлого века в рамках исследовательской программы, которая вылилась позднее в то, что называют сегодня «смысловой теорией мышления О.К. Тихомирова». Ключевым вопросом в то время стал вопрос о природе взаимодействия как явления, обладающего порождающим эффектом. Фиксируя в экспериментальных исследованиях моменты смыслообразования, можно было с уверенностью заключить, что смыслы возникают сами, а не как результат специальной («смыслообразующей») деятельности человека. Они «самообразовывались», оседая на предметах, определенным образом маркируя их в качестве значимых, необходимых, отвечающих человеку, его текущему состоянию. К такому «незапланированному продукту» привела попытка на экспериментальном уровне проверить гипотезу Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, инструментально нащупать это единство. Тогда впервые мы встретились с самоорганизацией, характерной для человекообразных систем. И оно, это единство, открылось весьма специфично. Аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи [19]. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих логическую структуру ситуации. Становилось понятным, что смыслы (и эмоции, которые их считывают) и есть проводники в сознание тех предметов, которые соответствуют текущему состоянию человека.

Так постепенно открывалась многомерная психологическая реальность, «субъективно искаженная» объективная реальность (Л.С. Выготский), но позволяющая действовать избирательно. На любое изменение состояния человека (возникновение поисковой познавательной потребности, мотивов деятельности, целей и т.д.) ситуация отвечала динамикой ценностно-смысловой структуры, вместе с которой перестраивалась и

предметная (формально-логическая) структура ситуации. Постепенно выяснялось, что ситуация тем и отличается от остальной объективной реальности, что она имеет ценностно-смысловое измерение, при этом она является только частью, актуальным, динамическим и напряженным сектором жизненного мира человека. Заслуга О.К. Тихомирова заключается в том, что он предложил конструкт «ценностно-смысловая структура ситуации» (ЦСС). С анализа этого конструкта, его природы, с экспериментального исследования смыслообразования получила первый импульс зарождающаяся ТПС [20] «Ошибкой нашего анализа, – пишет Л.С. Выготский, – является то, что анализ ведется в 2-х планах: внешнее поле и смысловое поле – нет единства, а параллелизм и соответствие. Надо взять единый план...» [21. С.129]. Основное достоинство ТПС заключается в том, что ей удалось взять этот «единый план», т.е. преодолеть дихотомию внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, указав на механизм их взаимоперехода и порождения в нем новых (системных) качеств, которые не только указывают возможное направление развития системы, но одновременно актуализируют готовность двигаться в этом направлении.

Войдя же в этот «единый план», необходимо было предположить, что ЦСС представляет собой только часть, только «напряженный сектор» многомерного жизненного пространства человека. Сразу же возникла проблема: что же на самом деле «делает» мышление в реальной жизни человека, какие функции оно выполняет по отношению к образу жизни? Выход к изучению роли и функции мышления в реальной жизнедеятельности был предопределен. Цикл исследований, проведенных О.М. Краснорядцевой, положил начало новому направлению исследований, одним из основных выводов которого стало представление о том, что «главное качество» всех проявлений мышления в реальной жизнедеятельности «заключается в его включенности в конкретный момент бытия человека как один из возможных способов реализации образа жизни» [22. С.17]. Именно об этом писал Л.С. Выготский, указывая на то, что «как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) – взяли его как понятие психического, а не психологического – мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главного свойства: определять образ жизни и поведения?» [21. С.129]. О.М. Краснорядцевой были выделены особые «мотивообразующие смыслы», опираясь на которые человек получает возможность выходить за пределы актуальной деятельности и организовывать деятельность творческую, инновационную, инициативную по своей природе. Так в рамках системной антропологической психологии стали развиваться новые идеи в области психологии профессионализма и оригинальные представления о механизмах инновационного поведения [23-26].

На базе принципа системной детерминации [27] Э.В. Галажинским была разработана авторская концепция, раскрывающая психологические закономерности и механизмы самореализации личности [28-30]. Апробация концептуальных построений в многочисленных эмпирических исследованиях внесла существенный вклад в развитие системной антропологической психологии. Выявлены два уровня самореализации, различимые по степени напряженности креативных процессов на этих уровнях, а также те факторы, которые инспирируют самореализацию определенного уровня. В свою очередь, выделение уровней самореализации позволило осуществить несколько образовательных проектов, подтвердивших возможность развития потенциала самореализации человека путем организации соответствующих образовательных сред.

Новое понимание места и роли самореализации в жизни человека привело к созданию научного направления – «психология инновационного поведения». В рамках этого направления разработано понятие «инновационный потенциал личности», выявлены концептуальные основания его исследования и подготовлен диагностический инструментарий. Разработаны механизмы психологического сопровождения образовательных проектов в регионах с высоким инновационным потенциалом [31]. В настоящее время изучение процессов самореализации и инновативности выведено на психофизиологический уровень и получены первые обнадеживающие результаты.

На базе системно-антропологических идей О.В. Лукьянов разработал оригинальную концепцию самоидентичности как фактора устойчивости человека в условиях быстро меняющегося мира [32-35]. Кроме того, трансемпоральный подход, в опоре на который построена концепция, позволяет оценить постнеклассические перспективы

феноменологически ориентированных исследований [36-37]. Транстемпоральный подход позволяет уточнять не только содержательные смыслы явлений (их интенциональность), но и смыслы их присутствия (респонзивность). Выявлять смыслы психологических явлений проживаемых в форме оснований (того, что было, есть и будет) и в форме ожиданий (того, что было, возможно будет, но сейчас не проживается). Важнейшие человекообразные категории, такие как любовь, счастье, творчество, вера, ответственность и др, приобретают особую психологическую ясность при понимании того проживаются они в форме экзистенциальных оснований или в форме ожиданий.

Можно также отметить хронотопические построения, выводящие к изучению пространственно-временной организации жизненного мира человека, осуществляемые Е.В. Некрасовой [38]. Весьма перспективными выглядят исследования Т.Г. Бохан, разрабатывающей проблему стресса и стрессоустойчивости в рамках системной антропологии [39]. Перевод этой проблематики в контекст постнеклассических методологических установок [40] открывает новые грани в «устоявшемся» предметном и проблемном поле, обеспечивая тем самым новый облик этнопсихологического и гендерного аспектов этой перманентно актуальной проблемы [41-43]. Весьма значимой линией исследования являются разработки И.О. Логиновой (и ее последователей) в области психологии жизненного самоосуществления [44-45].

Говоря о ближайших перспективах развития системной антропологической психологии, то они связаны, прежде всего, с теми возможностями, которые открываются в сфере проектирования высоких гуманитарных технологий [46], разработкой уровневой теории сознания [47] и развитием трансдисциплинарной парадигмы в психологии [48].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-06-00712 «Кросс-культурное исследование уровня развития математической креативности у студентов вузов разных категорий и профилей подготовки».

Примечания:

1. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
2. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. №5. С. 3–18.
3. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность http://filosof.historic.ru/books/coo26_1.shtml.
4. Трансдисциплинарность. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. Klochko V. Cognitive Science: from Interdisciplinary Discourse to Transdisciplinary Perspective https://abstracts.congrex.com/scripts/jmevent/abstract_p2.asp?Client_Id= 'CXST'&Project_Id='13078006'&Person_Id=2802878&Form_Id=3.
6. Ключко В.Е. Парадигмальная динамика психологической науки как процесс усложнения психологического мышления // Парадигмы в психологии: Научоведческий анализ ИП РАН: 2012 год, с. 468.
7. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Выпуск 3. Проблемы анализа знания. М., 1997. - С. 20-48.
8. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М, Прогресс, 1990, с. 358.
9. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
10. Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. №5.
11. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 6-12.
12. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981 (т. 1).
13. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 5-19.
14. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 136-151.

15. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1986. №1. С. 60.
16. Морен Э. Метод. Природа Природы. Москва: Прогресс-Традиция, 2005.
17. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
18. Galazhinsky E.V., Klochko V.Y. System anthropological psychology: methodological foundations // Psychology in Russia: State of the Art. 2012. Т. 5. С. 81-98.
19. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4. С. 14-31.
20. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 87-101.
21. Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива Вопросы психологии. 2008. № 2 с.120-135.
22. Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис.доктора психол. наук. Москва, МГУ им М.В. Ломоносова, 1997.
23. Краснорядцева О.М., Малкова И.Ю. Сетевой проект психологообразовательного сопровождения вхождения молодежи в инновационную деятельность // Психология обучения. 2010. № 12. С. 89-98.
24. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности». Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 151-154. 13
25. Краснорядцева О.М. Психолого-образовательное сопровождение подготовки специалиста // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 165-168.
26. Краснорядцева О.М. Актуальные проблемы психологического сопровождения образовательных проектов // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 129-134.
27. Ключко В.Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журнал. 1997. № 5. С. 19.
28. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности // диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Томск, 2002.
29. Галажинский Э.В. Психологические основания изучения полноты и качества процессов самореализации личности // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 70-76.
30. Залевский Г.В., Галажинский Э.В., Умняшкина С.В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий) // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 68.
31. Галажинский Э.В. Перспективные направления психологического обеспечения образовательных проектов в регионе с высоким инновационным потенциалом // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования, Гендерная психология. 2008. № 8. С. 4.
32. Лукьянов О.В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск, 2008.
33. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Томский государственный университет. Томск, 2009.
34. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333-336.
35. Лукьянов О.В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 46-63.
36. Лукьянов О.В. Актуальность изучения трансвременных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 179-185.

37. Лукьянов О.В., Неякина Ю.Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152-157.
38. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека. Автореф. дис. доктора психол. Наук. Барнаул, БГПУ, 2005
39. Бохан Т.Г. Проблема стресса в психологии: транспективный анализ. Томск, 2008.
40. Бохан Т.Г. Проблема стресса и стрессоустойчивости современного человека в парадигме постнеклассической психологии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 2. С. 16-21
41. Бохан Т.Г., Галажинский Э.В., Мещерякова Э.И. Этнопсихологические, гендерные и возрастные особенности совладающего поведения подростков и юношей разных национальностей сибирского региона // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 71-78
42. Бохан Т.Г. Системные детерминанты стрессоустойчивости в возрастном и этнопсихологическом контекстах // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 180-185.
43. Семке В.Я., Богомаз С.А., Бохан Т.Г. Качество жизни молодежи народов Сибири как системный показатель уровня стрессоустойчивости // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 2. С. 94-98.
44. Логинова И.О. Психология жизненного самоосуществления. М., 2009.
45. Логинова И.О. Исследование устойчивости жизненного мира человека в процессе самоосуществления // Психология обучения. 2010. № 2. С. 4-22.
46. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией. Психология обучения. 2010. № 12. С. 5-21.
47. Ключко В.Е. Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 4. С. 20-35.
48. Ключко В.Е. Когнитивная наука: от междисциплинарного дискурса к трансдисциплинарному ракурсу. Сибирский психологический журнал, № 46, 2012, С. 23-32.

References:

1. Koul M. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego. M., 1997.
2. Yurevich A.V. Metodologicheskii liberalizm v psikhologii // Voprosy psikhologii. 2001. №5. S. 3-18.
3. Stepin V.S. Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost' http://filosof.historic.ru/books/coo26_1.shtml.
4. Transdistsiplinarnost'. Elektronnyi resurs: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. Klochko V. Cognitive Science: from Interdisciplinary Discourse to Transdisciplinary Perspective https://abstracts.congrex.com/scripts/jmevent/abstract_p2.asp?Client_Id='CXST'&Project_Id='13078006'&Person_Id=2802878&Form_Id=3.
6. Klochko V.E. Paradigm'naya dinamika psikhologicheskoi nauki kak protsess uslozhneniya psikhologicheskogo myshleniya // Paradigmy v psikhologii: Naukovedcheskii analiz IP RAN: 2012 god, s. 468.
7. Kun T. Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya? // Filosofiya nauki. Vypusk 3. Problemy analiza znaniya. M., 1997. - S. 20-48.
8. Mamardashvili M. Kak ya ponimayu filosofiyu. M, Progress, 1990, s. 358.
9. Vygotskii L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 3. M.: Pedagogika, 1983.
10. Zinchenko V.P. Zhivye metafory smysla // Voprosy psikhologii. 2006. №5.
11. Klochko V.E., Galazhinskii E.V. Issledovanie innovatsionnogo potentsiala lichnosti: kontseptual'nye osnovaniya // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2009. № 33. S. 6-12.
12. Vygotskii L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 1. M.: Pedagogika, 1981 (t. 1).
13. Klochko V.E. Zakonomernosti dvizheniya psikhologicheskogo poznaniya i problema metoda nauki // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. T. 2. № 1. S. 5-19.
14. Klochko V.E. Evolyutsiya psikhologicheskogo myshleniya: etapy razvitiya i zakonomernosti uslozhneniya // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 40. S. 136-151.

15. Vygotskii L.S. Konkretnaya psikhologiya cheloveka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 1986. №1. S. 60
16. Moren E. Metod. Priroda Prirody. Moskva: Progress-Traditsiya, 2005.
17. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002. 462 s
18. Galazhinsky E.V., Klochko V.Y. System anthropological psychology: methodological foundations // Psychology in Russia: State of the Art. 2012. T. 5. S. 81-98.
19. Galazhinskii E.V., Klochko V.E. Kategoriya «otnoshenie» v psikhologii v svete paradigmal'noi dinamiki nauki // Mir psikhologii. 2011. № 4. S. 14-31.
20. Klochko V.E. Smyslovaya teoriya myshleniya v transspektive stanovleniya psikhologicheskogo poznaniya: epistemologicheskii analiz // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2008. № 2. S. 87-101.
21. Zavershneva E.Yu. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovaniya semeinogo arkhiva Voprosy psikhologii. 2008. № 2 s.120-135.
22. Krasnoryadtseva O.M. Psikhologicheskie mekhanizmy vozniknoveniya i regulyatsii myshleniya v real'noi zhiznedeyatel'nosti: Avtoref. dis.doktora psikhol. nauk. Moskva, MGU im M.V. Lomonosova, 1997.
23. Krasnoryadtseva O.M., Malkova I.Yu. Setevoi proekt psikhologoobrazovatel'nogo soprovozhdeniya vkhozheniya molodezhi v innovatsionnyu deyatelnost' // Psikhologiya obucheniya. 2010. № 12. S. 89-98.
24. Klochko V.E., Krasnoryadtseva O.M. Osobennosti operatsionalizatsii ponyatiya «innovatsionnyi potentsial lichnosti». Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 339. S. 151-154. 13
25. Krasnoryadtseva O.M. Psikhologo-obrazovatel'noe soprovozhdenie podgotovki spetsialista // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 305. S. 165-168.
26. Krasnoryadtseva O.M. Aktual'nye problemy psikhologicheskogo soprovozhdeniya obrazovatel'nykh proektov // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2005. № 22. S. 129-134.
27. Klochko V.E. Sistemnaya determinatsiya myslitel'noi deyatelnosti na stadii ee initsiatsii // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 1997. № 5. S. 19.
28. Galazhinskii E.V. Sistemnaya determinatsiya samorealizatsii lichnosti // dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk / Tomsk, 2002.
29. Galazhinskii E.V. Psikhologicheskie osnovaniya izucheniya polnoty i kachestva protsessov samorealizatsii lichnosti // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2006. № 24. S. 70-76.
30. Zalevskii G.V., Galazhinskii E.V., Umnyashkina S.V. Sindrom emotsional'nogo vygoraniya kak problema samoaktualizatsii lichnosti (v sfere pomogayushchikh professii) // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2001. № 14-15. S. 68.
31. Galazhinskii E.V. Perspektivnye napravleniya psikhologicheskogo obespecheniya obrazovatel'nykh proektov v regione s vysokim innovatsionnym potentsialom // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya Psikhologicheskie nauki: Akmeologiya obrazovaniya, Gendernaya psikhologiya. 2008. № 8. S. 4.
32. Luk'yanov O.V. Problema stanovleniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmenenii. Tomsk, 2008.
33. Luk'yanov O.V. Samoidentichnost' kak uslovie ustoichivosti cheloveka v menyayushchemsya mire // avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk / Tomskii gosudarstvennyi universitet. Tomsk, 2009.
34. Klochko V.E., Luk'yanov O.V. Lichnostnaya identichnost' i problema ustoichivosti cheloveka v menyayushchemsya mire: sistemno-antropologicheskii rakurs // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 324. S. 333-336.
35. Luk'yanov O.V. Faktor vremeni v sisteme psikhologicheskikh interpretatsii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2010. T. 7. № 2. S. 46-63.
36. Luk'yanov O.V. Aktual'nost' izucheniya transtemporal'nykh aspektov sotsial'nogo i psikhologicheskogo opyta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 298. S. 179-185.
37. Luk'yanov O.V., Neyaskina Yu.Yu. Smyslovye determinanty vremennoi perspektivy lichnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 360. S. 152-157.
38. Nekrasova E.V. Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya zhiznennogo mira cheloveka. Avtoref. dis. doktora psikhol. Nauk. Barnaul, BGPU, 2005

39. Bokhan T.G Problema stressa v psikhologii: transspektivnyi analiz. Tomsk, 2008.
40. Bokhan T.G. Problema stressa i stressoustoichivosti sovremennogo cheloveka v paradigme postneklassicheskoi psikhologii // Sibirskii vestnik psikhologii i narkologii. 2006. № 2. S. 16-21
41. Bokhan T.G., Galazhinskii E.V., Meshcheryakova E.I. Etnopsikhologicheskie, gendernye i vozrastnye osobennosti sovladayushchego povedeniya podrostkov i yunoshei raznykh natsional'nostei sibirskogo regiona // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2005. № 22. S. 71-78
42. Bokhan T.G. Sistemnye determinanty stressoustoichivosti v vozrastnom i etnopsikhologicheskom kontekstakh // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2007. № 25. S. 180-185.
43. Semke V.Ya., Bogomaz S.A., Bokhan T.G. Kachestvo zhizni molodezhi narodov Sibiri kak sistemnyi pokazatel' urovnya stressoustoichivosti // Sibirskii vestnik psikhologii i narkologii. 2012. № 2. S. 94-98.
44. Loginova I.O. Psikhologiya zhiznennogo samoosushchestvleniya. Moskva, 2009.
45. Loginova I.O. Issledovanie ustoichivosti zhiznennogo mira cheloveka v protsesse samoosushchestvleniya // Psikhologiya obucheniya. 2010. № 2. S. 4-22.
46. Galazhinskii E.V., Klochko V.E. Vysokie gumanitarnye tekhnologii v obrazovanii: mezhdum gumanizmom i manipulyatsiei. Psikhologiya obucheniya. 2010. № 12. S. 5-21.
47. Klochko V.E. Problema soznaniya v psikhologii: postneklassicheskii rakurs // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2013. № 4. S. 20-35.
48. Klochko V.E. Kognitivnaya nauka: ot mezhdistsiplinarnogo diskursa k transdistsiplinarnomu rakursu. Sibirskii psikhologicheskii zhurnal, № 46, 2012, S. 23-32.